

одной стороны, явно преуменьшалось значение такого качества НТП как глобальность, с другой – недооценивалась интегративная тенденция в жизни стран, народов и регионов современного мира, не учитывалось его движение к целостному, взаимозависимому состоянию. Материал, содержащийся в книге, пронизан идеей целостности и в то же время открытости стран к достижениям науки, техники и культуры, что рассматривается в качестве важного условия цивилизационного развития этих стран.

Движение мира к целостному существованию и проистекающая отсюда способность взаимосогласованного решения жизненно важных проблем есть единственно возможный выход из полной драматизма и напряженности ситуации в отношениях между человеком и созданными им же, но ныне в значительной мере отчужденными от него силами техники.

Хотя авторы объединены вокруг отмеченных выше идей, в высказываемых ими отдельных суждениях нет полного единодушия.

Остается добавить, что в самое последнее время вопросы о социальной сути научно-технического прогресса были потеснены в отечественной литературе многими большими и острыми для нашего общества проблемами экономики, политики, демократии и др. За последние 5 лет монографии о значении НТП для дальнейшего исторического развития стали библиографической редкостью. Это тревожный симптом. Нельзя забывать, что многие социальные беды, болезни и неудачи коренятся в научно-технической отсталости. Вот почему авторы считают подготовку этой книги и чрезвычайно важным и актуальным делом.

Г.М.Тавризян

Философия техники и философия человека: линии сопряжения

Вопросы, возникавшие в связи с интенсивным развитием техники, к началу XX в. были характерны для философского, как и вообще для творческого мышления. Как действует в современном мире техника? Как она воздействует на мир? Что нового в его восприятии: ведь он изменился в чем-то до неузнаваемости? Отчуждение трудно объяснить, но именно ощущение отчужденности от бытия - основной повод для размышлений над сущностью новых явлений.

Прежде всего - это простирающееся во всем действие *безликого механизма*, техники; это *обезлюдение* мира функционирования техники. Как это часто бывает, когда сложный характер всеохватывающего явления не поддается единому определению, великому художнику удается уловить, выразить его в цельном интеллигентном образе, как это сделал Р.М.Рильке в "Седьмой Дуинской элегии":

"Дух времени строит себе хранилища силы,
Бесформенным напряжением, извлекаемым отовсюду.
Больше не знает он храмов"¹.

"Бесформенное напряжение": в восприятии нового, технического мира это исчерпывающая характеристика. Хотя состояние "бесформенного напряжения" - состояние повсеместное, универсальное, в него вовлечено все и вся, однако оно при этом лишено печати человеческой деятельности: *бесформенно* то, что существует помимо человека, функционирует уже без человека. "Обезлюдивший", отчужденный мир - такова отразившаяся в философской литературе картина специфического универсума, создаваемого техникой.

В значительной мере эта ситуация отражена и в поздней (40- 60-х годов) "десубъективированной" философии М.Хайдеггера. Видение философом технизированного мира, развернутое, шаг за шагом обосновываемое, поразительно сходно

¹Рильке Р.М. Седьмая Дуинская элегия // Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971. С. 348.

тому, что так явственно увидел в наступающей технической эре Рильке.

Однако прежде чем обратиться к философским концепциям, остановимся на одной крайне важной проблеме. Что вообще значит для нас философская рефлексия о технике, философия техники? В связи с последней нередко можно слышать вопрос: ведь техника, техническое, вовсе не есть, даже сейчас, чисто интеллектуальное образование; в значительной своей части техника вещь, предметна; ее развитие целесообразно, назначение - прагматично. Она опирается на мощную научно-теоретическую базу. В чем же, в таком случае, назначение философии - "философии техники", - если технические инновации и так успешно реализуются, если все функционирует?.. Нет, конечно, техника для своего внедрения в действительность, для своего осуществления и развития не "нуждается" в философии. В философии техники для своего осуществления, особенно на нынешнем этапе, крайне нуждается человек.

Хотя интенсивный научно-технический прогресс разительно видоизменяет облик планеты уже в течение многих десятилетий, необходимое "отрезвление", понимание неоднозначного характера многих его завоеваний, как и обусловленного им характера жизни, приходит, в первую очередь, там, где складывавшаяся в традицию философская рефлексия о технике стала существенным элементом жизни культуры. В настоящее время общественность, критически оценивая негативные последствия той или иной технополитики, получила возможность во многих случаях непосредственно влиять на нее, на позицию правящих кругов. Но задолго до того, как эта действенная сила воплотилась в активных массовых выступлениях общественности, - своеобразная картина мира, мира, в котором мы живем и действуем подчас безоглядно, получила свое отражение в философской литературе как своде размышлений о специфичности современной техники и ее последствиях для цивилизации, человечества.

Разумеется, эта отрасль философского знания представлена большим разнообразием позиций: от культуркритицизма, "культурпессимизма", откровенного антитехницизма до сугубо техникстских, технократических направлений². В настоящее время сфера философии техники расширяется за счет всевозможных аналитических, лингвистических школ. Однако, чтобы не утратить понимания принципиальных задач этого направления, стоит обратиться к определению философии техники, дан-

²См. об этом статью П.С.Гуревича "Техника в контексте природы: традиции и современный облик философских идей" в настоящей монографии.

ному видным американским философом Х.Сколимовски, связавшим ее задачи с проблемой ответственности философии: "Философия техники, - пишет Сколимовски, - не должна ... пониматься как дисциплина чисто схоластическая... Необходимо прежде всего помнить о том, что философия техники возникла как результат критической оценки нашей цивилизации... Не будем обольщать себя тем, что какие-либо техники лингвистико-аналитической разновидности или иные смогут решить проблемы техники. Наш долг - философов, мыслителей, историков, инженеров и просвещенных граждан - ответить на те проблемы, которые мы, как цивилизация, породили"³.

Меньше всего мы здесь намерены возвращаться к истории философии техники, при всей полезности такого обращения: в рамках статьи нет для этого возможности. Все же хотелось бы выделить доминирующую тему, о которой шла речь вначале: это характеристика "технического мира" как заключающего в себе угрозу прежде всего в силу отчуждения им от себя человеческого рода, характеристика эпохи добывающей и выработавшей соответствующий взгляд на мир. Эти черты современной цивилизации фиксировались О.Шпенглером, М.Мэмфордом и многими другими.

М.Хайдеггер, говоря о технике, выделяет в истории ее использования и развития этапы, резко отличающиеся один от другого мировоззренчески: меняется отношение к окружающему, к использованию природных ресурсов, меняется, в связи с этим, ситуация самого человека. Техника, техническая деятельность людей, подчеркивает Хайдеггер, это отнюдь не только технология, как принято считать, а нечто неизмеримо большее. В основе технической деятельности Хайдеггер видит присущее человеческому роду от века стремление к познанию, к обнаружению истины (через выявление, обнаружение "сокрытого"). Но, начиная с Нового времени, давшего импульс количественному, исчисляющему освоению мира, а отсюда - экспериментальной физике (согласно Хайдеггеру, такой подход к миру, бытию закономерно распространился в пору упадка "западной метафизики"), это "обнаружение", направленное на бытие, впервые обретает совсем иной характер. Из поиска истины, свойственного человеческому разуму и любому виду человеческой деятельности, в том числе техническому, оно превращается в агрессивно-принуждающее отношение к природе (Хайдеггер называет его *Ansinnen*: жесткое, непомерное требование), насильственное "затребование".

³Сколимовски Х. Философия техники как философия человека // Новая технологическая волна на Западе. М., 1986. С.243.

"Затребование" природы со всеми ее ресурсами, с заключенной в ней энергией, с учетом наперед всей основанной на этом перерабатывающей индустрии и готового продукта - вот нынешнее отношение человечества к миру, вот истина сегодняшнего дня⁴.

На чем основывает Хайдеггер эти обобщения, видно уже по двум-трем достаточно простым примерам. Так, истари соединявший между собой берега Рейна деревянный мост был как бы дополнением к мощному течению реки, вспомогательным моментом, он словно был "встроен" в нее. Сейчас действующая на Рейне ГЭС, напротив, втягивает в свою систему течение Рейна, река служит ей: Рейн "поставляет" энергию системе гидроэнергетики, он сам "заказан", затребован этой системой⁵. Сегодня лесник может мерить шагами тропы, исхоженные его отцом, также обмерять бревна, во всем продолжать работу предков, но, знает он об этом или нет, он сам, все его действия затребованы лесной промышленностью, включены во "всеобщее состояние затребования". В эту универсальную систему втянуто все, от целлюлозной промышленности до средств массовой информации и, через них, до индустрии формирования общественного мнения. Так, по Хайдеггеру, современный способ "обнаружения" - это вскрытие, добыча скрытой в природе энергии, переработка, хранение переработанного, перераспределение энергии. (По существу - то же, что выражал образ у Рильке: в "хранилищах силы" энергия, извлекаемая отовсюду, - "бесформенное напряжение" - перерабатывается и перераспределяется по планете⁶). Но это - не процесс без берегов, "без ветрил". Именно *обеспечение управления* является главным при "затребывающем обнаружении"⁷. В итоге все: мир, природа мыслятся сейчас человеком исключительно в виде запасов, ресурсов - "наличности" (Bestand), подлежащей исчислению, учету, находящейся в его полном распоряжении. При этом человек не замечает, что он сам "затребован" в качестве объекта в это

⁴См: *Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Die Technik und die Kehre. Pfullingen, 1962.*

⁵Вообще, отмечает Хайдеггер, если еще можно говорить о восприятии Рейна как части природы, как реки с живописнейшими, овеянными легендами берегами, то только в рамках другой системы индустрии: индустрии туризма.

⁶О специфике энергодобывающей эпохи писал и О.Шпенглер в 1930-е годы, анализируя особенности европейской техники Нового времени и ее провозвестницы - изобретательской мысли Средних веков. Фаустовскую культуру, подчеркивал Шпенглер, с самого начала отличала "мысль, столь чуждая всем другим культурам": подчинить и использовать природу не только в ее материалах, сырье, но и выделить, изолировать, поставить себе на службу силу неорганической природы - ее *энергию* (см: *Spengler O. Der Mensch und die Technik. München, 1932. S.69.*)

⁷*Heidegger M. Op. cit. S.16.*

всеобщее состояние, - ибо именно потому и стало возможным затребование мира им самим, - он в порочном кругу. Он уже не свободен, хотя и мнит себя субъектом, творцом происходящего; это взаимное отчуждение человека и природы Хайдеггер расценивает как "состояние крайней опасности". В конечном счете Хайдеггер убежден, что техника грозит *сущности* человека больше, чем его существованию. Он находит характерные слова для описания опасности, которая для него очевидна: человек, все усилия которого направлены на то, чтобы извлекать, изыскивать, добывать насильственно, перестал замечать вокруг себя "несокрытое", а между тем мир, природа всюду перед нами в качестве "несокрытого", но мы утратили способность воспринимать то, что непосредственно открыто нашему взору и слуху⁸.

Если сущность техники трактуется философами различно, то в том, что касается взглядов на характер развития современной техники, на ее эпифеномены (которые, в отличие от сущности техники, всегда на поверхности, в нашей повседневной жизни), обнаруживается много общего. В этом смысле надо признать, что наблюдения, мысли, высказываемые по поводу эпифеноменов технического прогресса представителями различных направлений философской мысли, вряд ли можно опровергнуть "с точки зрения науки"⁹, научного знания, будь то отечественное или любое другое научно ориентированное направление. Значение "критики техники", культуркритицизма и т.д. - не в критике самой техники, а в наблюдении и анализе характера современной связи человека с миром в эпоху повсеместного преобразования жизни под давлением новых структур, - наблюдении очевидно "пристрастном", поскольку это черта неотъемлемая от философской рефлексии об участи человека¹⁰. Думается, что всякая зна-

⁸По поводу М.Хайдеггера дискутируют много, и сейчас нет возможности делать его философию предметом обстоятельного разговора. Философия техники М.Хайдеггера подробно была проанализирована ранее в нашей статье: "Метатехническое" обоснование сущности техники М.Хайдеггером // *Вопр. философии*. 1971. №12.

Интересно прислушаться к мнению нового поколения западных философов. В частности, трудно не согласиться с молодым западногерманским философом В.Хесле, считающим, что если верно, что всякого выдающегося философа отличают некоторые глубокие интуиции, то у Хайдеггера они сказались в отношении проблематики современной техники.

⁹На что нередко претендует сциентизм.

¹⁰В "субъективности", ненаучности склонны обвинять антропологическую либо экзистенциальную линию в философии различные направления техницизма, сциентизма. Хочется отметить, в отечественной литературе значительно большее внимание уделялось аргументам философского "антитехницизма",

чительная философия XX в., изучавшая проблему человека, стремившаяся постигнуть "субъективное" в нем, внесла тем самым в философию техники - сегодняшнюю и, очевидно, еще больше, будущую - самый существенный вклад.

Среди направлений западной философии XX в. экзистенциализм особенно глубоко почувствовал и выразил необратимые сдвиги в мироощущении индивида под воздействием технизации. В экзистенциалистской литературе "техническая цивилизация" как бы увидена изнутри глазами смятенного, ошеломленного индивида, ее безучастного участника, в повседневном, будничном соприкосновении с ней. Так, К.Ясперс (как А.Камю, Г.Марсель) уже в одной из первых своих значительных работ сделал то, к чему сейчас стремится социология: обрисовал мир, увиденный "единичным", индивидом, дал анализ феноменов, порожденных техникой, с которыми индивид *прежде всего имеет дело*: аппарата, организации существования-в-массе (Massendaseinsordnung), бюрократии, и показал отличительную черту последней - безответственность и анонимность действий "за спиной" индивида.

В экзистенциализме не оставлен без внимания и вопрос века: о связи техники с тоталитаризмом. Обобщая опыт фашизма, философски скорее предугаданный в "Духовной ситуации эпохи", Ясперс в дальнейшем, на новом опасном витке истории (начало "холодной войны"), высказывает свое - и сейчас не всеми разделяемое - суждение: "Техника еще не рождает тоталитаризм", хотя без нее он невозможен. Основой тоталитаризма является ложь¹¹. Чаще доводится слышать, что сами по себе высокое развитие техники, технизированная жизненная среда, системность техники - залог тоталитаризма. Разумеется, техника "обеспечивает" целую систему предпосылок. Думается, однако, что Ясперс прав, связывая упрочение тоталитаризма прежде всего с идеологией. Но вопрос о технике, утверждение ее "нейтральности" - также вопрос далеко не однозначный.

Термин "нейтральность", применяемый к технике как средству, представляется во многих отношениях уязвимым. Конечно, средство нейтрально. Но если налицо - реальная, в течение тысячелетий, история использования этого средства (техники), где нельзя отрицать факт постоянного наращивания опасности и, следовательно, изначально, глубоко заложенной в ней возможности, которая ни в какую эпоху не оставалась нереализованной и в

критике техники, чем мы это видим у любой "неальтернативной" философии техники Запада.

¹¹Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1958.

конец концов поставила человечество на грань уничтожения, - нельзя не относить это к самой двойственной сущности техники, "технического". Но двойственность - не то же, что нейтральность; это двоякая возможность и постоянно активно присутствующая угроза. Иными словами, техника - это средство, "нейтральность" которого должна интерпретироваться только в соответствии с историческим опытом реального использования техники, как процесс, из которого нельзя исключить исторический факт постоянного наращивания угрозы, абстрагироваться от него "в определении".

Сам термин "средство" применительно к технике также, видимо, не вполне удовлетворителен; понимание его как возможности (способа) достижения цели часто "отказывает". Известно, что новые технические средства во многих отраслях, в частности военной, требуют подыскания новых "соответствующих" целей. Можно предположить, что это отражает определенный исторический момент и что этому будет, благодаря человеческому разуму, положен предел. Во всяком случае, в настоящее время в рамки понятия "средство" не вмещается все то, что составляет потенциал технического; понятие не отражает достаточно самобытной силы последнего. Агрессивность техники уже нередко проявляется вопреки человеку.

При установке: техника - средство, "сподручное", возникает и затруднительная проблема объяснения механизмов обратного воздействия техники на общество. Техника - средство; но и человек в этой системе в определенных условиях - *тоже средство*. За этим парадоксом стоят социальные отношения, разумеется, но в нем отражен и специфический характер функционирования техники, использования, если будет позволено так выразиться, технической системой человека¹².

¹²Эта специфика технической системы бросается в глаза при ознакомлении с любым её научным определением. Так, например, в статье "Техника" в "Философской энциклопедии" по поводу "совокупного рабочего механизма" точно указывается: "...единая система, составленная из орудий производства и человека как носителя исполнительных функций, которую общество помещает между собой и природой" (М., 1970. Т.5. С.228). Конечно, исторически, по мере того, как все более развитой становится техническая система, в способе соединения человека и техники происходят весьма существенные изменения, все большую роль играет предметный элемент. Однако при любом совершенствовании системы, при любом способе соединения человека и техники связь эта не свободна, она определяется технической стороной, уровнем развития техники. В обозримом будущем человек - еще незаменимая часть совокупного рабочего механизма, где отчуждение от него все большего числа функций не исключает, по мере освобождения от них, сущностного вопроса о его собственной отчужденности. Исследования процессов автоматизации,

На сегодняшнем крутом витке научно-технической революции ощутимы не только новый прилив технократической веры, но и новая волна антитехницизма, прежде всего, среди широких масс населения. Широкое внедрение "компьютерной цивилизации", со всеми изменениями, которые она вносит в жизнь каждого человека, в его непосредственное окружение, способно сильно активизировать настроения "технологического детерминизма", содействовать представлениям о фатальном характере вступления нового этапа НТП в свои права, вступления неизбежного и определяющего жизнь людей подчас помимо их воли - точнее, помимо их сознания¹³. При всем стремлении техники и науки к комфортизации, облегчению приспособления индивида к новым условиям, многое в современных процессах развертывания НТП воспринимается общественностью как угроза и естественным правам человека, и его правам гражданина.

На этой новейшей стадии техника нацелена не только на облегчение труда, физического и интеллектуального, но и на выполнение, в масштабе всего общества, культурных, коммуникативных и многих других исконно человеческих функций. Вопрос о сущности этого процесса и его возможных последствиях сейчас стоит очень остро, в том числе и в нашем обществе.

Что же происходит нового для человека?

Когда техника используется для эксплуатации, угнетения человека - всеми признано, что это социальное зло; для вытеснения, отстранения человека - тоже; когда она используется для замены человека (в определенном смысле, как *вида*), создавая его подобие и суля ему самому при этом жизнь более совершенную, в том числе и в духовном плане, - это уже, быть может, зло (если видеть в этом зло) "метафизического" порядка, и оно должно быть осмыслено на философском уровне.

Именно в связи с новыми процессами вновь встает давний (на долгие периоды исчезавший из поля зрения социального знания и даже философии) философский вопрос о человеке вообще, о том, что есть человеческое.

компьютеризации лишь подтверждают это. С другой стороны, по мере усложнения и совершенствования системы взаимодействия человека и техники, возможно, усугубляется опасность, что человек, по замечанию Л.Мэмфорда, будет рассматриваться "в лучшем случае как средство, с помощью которого машина может создать другую машину" (*Mumford L. Technique et civilisation. P., 1950. P.13*).

¹³ Поскольку значительная часть населения будет пребывать в неведении относительно организационных и технических основ этой системы (см. об этом подробнее, в частности: *Haefner K. Mensch und Computer im Jahre 2000. Basel; Boston; Stuttgart, 1984*).

Надо заметить, что многие отечественные философы, социологи, те, кто исследует возможные последствия нового этапа технического прогресса - всеобщей компьютеризации, его воздействие на общество, на индивида, - отнеслись к этому со всей серьезностью и оправданной настороженностью.

Реакция иного рода на эту опасность (как и на "общую" опасность, грозящую духовности в связи с технизацией и "модернизацией" жизни), хотя и очень яркая, проявляется в части отечественной литературы, прежде всего, в виде известной тенденции унести "зажженные светлы" в "катакомбы, пустыни, пещеры" и, как известно, более всего - в деревню. Притом речь идет в этих случаях о деревне именно и только лишь как о носительнице и охранительнице духовных ценностей *дотехнической* цивилизации.

Не будем здесь сопоставлять эти ценности. Разумеется, первоочередная задача - возродить деревню, возродить в ней живую жизнь и культуру, причем сколь бы взволнованно ни писалось сейчас о "духе" российской деревни прошлого, делать это надо, очевидно, в тех разнообразных формах, в которых сегодня заинтересованы сами ее жители, сельские труженики. Культурный изоляционизм, зиждющийся на возведении в культ любых традиций независимо от их ценности и на неприятии "иного", идет вразрез с мировыми тенденциями, с ориентацией на сближение, взаимопонимание культур.

В условиях великой опасности именно живое, разумное, открытое взаимодействие с окружающим миром, прежде всего на уровне международной политики, дало возможность человеку впервые ощутить реальность отвести угрозу гибели цивилизации, ощутить *в своих руках* это, казалось бы, уже неподвластное людям развитие техники, ее бесчеловечное "самодвижение". Этот момент овладения НТП - его важнейшей движущей силой, милитаристской техникой, позволил поставить ей первый в истории запланированный, сознательный предел на уровне приостановки, приторможения. Задача - закрепив это достижение, этот решающий шаг, осознать и другие возможности, осознать, что объединенные интересы людей, человеческого сообщества могут помочь "вытащить" и другие звенья цепи...

Важнейший фактор становления будущего или, если отказаться от привычной технизированной речи, важнейшая влияющая на будущее сила - человек, *индивид*, и вся сфера подлинной культуры, которую необходимо продолжать творить, содействовать ей. "Фактор" - не человек, фактор - техника.

Задача философии техники как критической рефлексии, на наш взгляд, не высказываться "за" или "против", стремясь к ито-